

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ И ЛОКАЛЬНЫХ ПРОГРАММ И ПЛАНОВ РАЗВИТИЯ

Г.А. Фоменко, д.г.н., проф.,
Председатель правления
Научно-исследовательского проектно-
го института «Кадастр»,
г. Ярославль
info@nipik.ru

В статье рассматривается механизм стратегической экологической оценки, который представляет собой пошаговую процедуру анализа и обсуждения возможных экологических последствий реализации предлагаемых государственных и муниципальных стратегий развития, планов и программ. Стратегическая экологическая оценка способствует более устойчивому развитию и более тесной интеграции вопросов окружающей среды в процесс принятия стратегических решений и позволяет органам власти обоснованно выбирать такие варианты экономического развития, которые благоприятствуют здоровью населения и охране окружающей среды. Показаны основные методологические проблемы и особенности стратегической экологической оценки региональных и локальных программ, а также планов развития территорий, ориентированных на достижение целей устойчивого развития. Доказана необходимость расширения процедуры стратегической экологической оценки в контексте ориентации на Цели устойчивого развития и интеграции с социальными и экономическими вопросами.

The article discusses the mechanism of Strategic Environmental Assessment, which is a step by step process of analysis and discussion of the possible environmental impacts of a proposed state and municipal development strategies, plans and programs. Strategic Environmental Assessment contributes to sustainable development and better integration of environmental issues into strategic decision-making and allows the authorities to reasonably choose options such economic development that benefit the population and the protection of the health of the environment. The basic methodological problems and specific features of Strategic Environmental Assessment of territory development plans and programs of regional and local levels aimed at achieving the Sustainable Development Goals are given in the work. The necessity of the expansion procedure of Strategic Environmental Assessment in the context of the focus on sustainable development and the integration of social and economic issues.

Ключевые слова: стратегическая экологическая оценка, устойчивое развитие, программы и планы развития территорий, оценка воздействия на окружающую среду, стратегическая оценка устойчивости.

Key words: Strategic Environmental Assessment, sustainable development, territory development plans and programs, Environmental Impact Assessment, Sustainability Appraisal.

В последние годы во многих странах мира широко используется механизм стратегической экологической оценки (СЭО)¹, который представляет собой пошаговую процедуру анализа и обсуждения возможных экологических последствий реализации предлагаемых государственных и муниципальных стратегий развития, планов и программ. Различные аспекты таких последствий рассматриваются на основе консультаций с соответствующими органами власти, общественностью, широким кругом заинтересованных сторон. Результаты обсуждения представляются политикам и должностным лицам, ответственным за принятие решений, для того, чтобы они могли взвесить все достоинства и недостатки различных вариантов развития. Таким образом, благодаря СЭО принятие решений становится прозрачнее и вызывает больше доверия у общественности. В конечном счете, СЭО – это механизм, позволяющий правительствам обоснованно выбирать такие варианты экономического развития, которые благоприятствуют здоровью населения и охране окружающей среды².

Основы современной экологической оценки (ЭО) впервые законодательно были введены в США федеральным законом о Национальной политике в области окружающей среды (NEPA) еще в 1969 г. Главным требованием этого закона было предварительное составление федераль-

¹ СЭО – это систематический процесс, способствующий принятию решений по оценке вероятных значительных экологических последствий на протяжении всего процесса развития политики, плана или программы, начинающийся с первой же возможности и включающий в себя письменный отчет и участие общественности на протяжении всего процесса [1].

² Протокол по стратегической экологической оценке. Факты и преимущества применения. ЕЭК ООН, 2016.

ными ведомствами Декларации об оценке воздействия на окружающую среду (Environmental Impact Statement) намечаемой крупномасштабной хозяйственной деятельности. Документы по Декларации должны были быть доступны как для общественности, так и для всех заинтересованных сторон; полученные комментарии и рекомендации должны были учитываться в процедуре принятия решений. Эта деятельность позволяла общественности законно контролировать процесс принятия экологически значимых хозяйственных решений. В начале 1970-х гг. похожие процедуры были введены в Канаде, Австралии, Новой Зеландии; впоследствии, в качестве эксперимента, – в странах Европы (Франция, Великобритания, Нидерланды).

В 1980 г. была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «О международном сотрудничестве в области оценки воздействия на окружающую среду при затрагивании интересов других государств», которая послужила началом процесса приведения к единой форме и систематизации процедур экологической оценки. Развивающаяся на данном этапе методология экологической оценки была основана на использовании принципов предупреждения ущерба окружающей среде, определения видов негативных воздействий и мер по их устранению или сглаживанию, с целью информирования всех заинтересованных сторон о последствиях намечаемой деятельности для окружающей среды и быть основой для принятия экологически правильных решений.

К началу 1990-х гг. положения о СЭО были включены в законодательство Канады, Чешской Республики, Дании, Великобритании и США. Они предполагали проведение СЭО в рамках «оценки устойчивости». В 2001 г. Европейская комиссия приняла Директиву ЕС (2001/42/ЕС) об оценке последствий некоторых планов и программ для окружающей среды (т.н. Директива о СЭО). Государства, бывшие на тот момент членами Европейского союза, должны были ввести положения Директивы о СЭО в свое законодательство до 2004 г. Международные правовые нормы в отношении СЭО были приняты под влиянием решений Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, Бразилия, 1992 г.), в особенности принципов 4 и 10 Декларации Рио-де-Жанейро и «Повестки дня на XXI век», а также результатов Третьей конференции на уровне министров по окружающей среде и охране здоровья (Лондон, 1999 г.) и Всемирного саммита ООН по устойчивому развитию (Йоханнесбург, ЮАР, 2002 г.). В результате Конвенция Эспо была дополнена Протоколом ЕЭК ООН о СЭО.

Принципы, предусматривающие предупреждение неблагоприятных воздействий хозяйственной деятельности на окружающую среду, стали активно

внедряться и в странах бывшего Советского Союза. Различались модели внедрения и развития процедур экологической оценки: страны, нацеленные на соблюдение норм ЕС, принимали законы, соответствующие требованиям европейских директив; другие страны формировали свою нормативную базу в рамках системы государственной экологической экспертизы, сохранившейся с конца 1980-х гг., с дополнением процедурой оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС).

Основным направлением развития системы экологической экспертизы (ЭЭ) в странах ВЕКЦА на протяжении периода переходной экономики была интеграция элементов международной практики ЭО, например, предварительного отбора проектов (скрининга) и участия общественности. Предполагалось, что стратегии, планы или программы, подобно проектам конкретных хозяйственных объектов, должны проходить оценку (ОВОС) и получать положительное заключение экологической экспертизы (ЭЭ) перед принятием или утверждением соответствующим законодательным или исполнительным органом. Этот процесс мог быть также дополнен общественной экологической экспертизой (ОЭЭ)³.

Сегодня в странах ВЕКЦА на оценку стратегических инициатив зачастую распространяют подходы ОВОС проектного уровня, что приводит к нежелательным результатам и препятствует более широкому практическому применению СЭО. Несмотря на наличие законодательных требований о проведении экологической оценки планов и программ, на практике гармонизация систем ОВОС и ОЭЭ с признанными международным сообществом принципами СЭО происходит достаточно медленно. Проходящие сейчас широкие обсуждения свидетельствуют о наличии *значительных методологических проблем*. В настоящей статье предпринята попытка осветить основные из них, без понимания сути которых могут быть сделаны ошибки при внедрении этого, в целом весьма важного и полезного, природоохранного института.

А. Следует обратить внимание на тенденцию расширения предмета СЭО в контексте оценки «выживаемости», в первую очередь, с позиций сохранения/возрастания капитала устойчивости развития территорий, снижения рисков жизнедеятельности и сохранения экосистем через сбалансированное использование экологического, социального и экономического капиталов⁴.

³ Протокол по СЭО «Изначальное развитие потенциала в некоторых странах бывшего СССР». ПРООН, РЭЦ, ЕЭК ООН.

⁴ Еще совсем недавно казавшееся достаточным понимание устойчивого развития – «sustainable development» – как допустимое, самоустойчивое, целенаправленное, все чаще дополняется и даже заменяется новым термином

Рис. 1. Процесс Оценки влияния на устойчивость в Австрии [5]

В таких условиях возросла потребность в повышении роли стратегической оценки устойчивости (СОУ)⁵ и поиске ее нового синтеза с СЭУ.

Еще в 2002 г. на ежегодной конференции Международной ассоциации по оценке воздействия (МАОВ) в Гааге, было указано, что «Стратегическая оценка устойчивости (СОУ) рассматривается в качестве следующего поколения СОУ» [2]. Все больше СОУ-подходы реализуются в международной практике, как на национальном, так и на региональном

«resilience», понимаемым как упругость, эластичность, гибкость, способность восстанавливаться.

⁵ Сегодня СОУ наиболее широко используется в Великобритании. Руководство Министерства окружающей среды, транспорта и регионов Великобритании [4, С. 4] определяет оценку устойчивости, как: «Систематический и итеративный процесс, осуществляемый в ходе подготовки плана или стратегии, определяющий качество обеспечения реализации плана или стратегии в достижении экологических, экономических и социальных целей, определенных устойчивым развитием с целью совершенствования стратегии и политики». В РФ оценка предполагается в ходе разработки планов и программ.

уровнях [3]. На практике некоторые страны используют целостное определение окружающей среды, которое объединяет биофизическую, социальную и экономическую среды. Так, в Австрии СЭУ включает в себя анализ социальных и экономических последствий планов и программ, экологические, социальные и экономические аспекты интегрированы в политику или законодательство в ходе всех этапов процесса планирования (рис. 1). Директива ЕС по СЭУ также упоминает социальные аспекты (такие как население, здоровье человека и культурное наследие) и экономические аспекты (такие как материальные активы) в своем определении экологических последствий.

Целесообразность расширения предмета СЭУ в контексте оценки «выживаемости» и устойчивости обуславливается несколькими причинами.

- *Неполная картина:* Иногда СЭУ имеет дело только с экологическими последствиями и пренебрегает социально-экономическими последствиями планов, программ или политики, и может рассматриваться с позиций устойчивого развития как неполная оценка для реализации протекционного подхода⁶ к планированию.

- *Прозрачность:* Обычно планы, программы и политика влияют не только на экологические интересы. Если у них есть социальные и экономические последствия, и в них вовлечены различные группы стейкхолдеров, то для них также будет необходима оценка социально-экономических последствий. Оценка должна быть выполнена и доступна для всех трех аспектов устойчивого развития.

- *Целостность:* В оценках на уровне стратегического планирования с позиций устойчивого развития необходимо рассмотреть взаимозависимость экологических, социальных и экономических последствий. Если принимать во внимание только воздействие на окружающую среду, то целостное представление всех последствий реализации стратегического плана или программы будет искажено.

⁶ Протекционное планирование зародилось в середине 1960-х гг., когда выяснилось, что главная трудность при составлении плана состоит в невозможности обеспечения участия простых граждан в принятии решений. Уже в то время стало ясно, что существующие планы отражали распределение власти в обществе, и все явственнее раздавались голоса, призывающие внимательно учитывать интересы слоев населения с низким доходом, особенно при использовании природно-ресурсного потенциала [5].

**Основные отличия Оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС),
Стратегической экологической оценки (СЭО) и Оценки устойчивости (ОУ)**

	ОВОС	СЭО	ОУ
Законы	Директива 97/11/ЕС, изменяющая директиву 85/337/ЕЕС об оценке воздействия определенных государственных и частных проектов на окружающую среду («Директива по ОВОС») ⁷	Директива 2001/42/ЕС об оценке воздействия определенных планов и программ на окружающую среду («Директива по СЭО») ⁸	Закон о планируемых и обязательных приобретениях (2004) ⁹
Цель процесса	Обеспечить информацией, чтобы решения о планировании принимались с полным знанием вероятных значительных экологических последствий проекта, чтобы любые негативные эффекты предотвращались, уменьшались или компенсировались, в то время как положительные эффекты усиливались.	Обеспечить высокий уровень защиты окружающей среды и содействовать интеграции экологических соображений в процесс подготовки и принятия планов и программ с целью содействия устойчивому развитию.	Содействовать устойчивому развитию путем интеграции социальных, экологических и экономических соображений в планы развития. ОУ включает в себя требования «Директивы по СЭО».
Оценка необходимости	Определить, относится ли проект к случаям, перечисленным в приложении 1 или к приложению 2 «Директивы по ОВОС», и, следовательно, требует ли проведения ОВОС.	Определить, является ли план или программа «планом или программой», как это определено «Директивой по СЭО» (статья 2 (а)) и может ли оказать значительное воздействие на окружающую среду (статья 3 (4)). Если ответ на оба вопроса – да, то план или программа потребует проведения СЭО.	Не требуется. Закон о планируемых и обязательных приобретениях (2004) определяет те проекты, которые нуждаются в ОУ. Это – пересмотр региональной пространственной стратегии (RSS) и новые или пересмотренные документы Плана содействия развитию (DPD) и дополнительные документы планирования (SPD).
Определение объемов работ	Не обязательно, но признается хорошей практикой.	Обязательное требование проконсультироваться с назначенными официальными органами на предмет «объема и детальности информации, которая должна быть включена в отчет по окружающей среде». (Статья 5 (4))	Руководством по ОУ ¹⁰ устанавливается, что органы регионального планирования (RPB) должны обратиться к официальным консультативным органам на основании обзорного отчета (определение объемов работ также необходимо в соответствии с требованиями «Директивы по СЭО»).
Предмет оценки	Вопросы, изложенные в статье 3 «Директивы по ОВОС», включают в себя прямые и косвенные воздействия проекта на организм человека, фауну и флору, почву, воздух, воду, климат, ландшафт,	Вопросы, изложенные в Приложении 1 «Директивы по СЭО», включают в себя биоразнообразие, население, здоровье человека, флору, фауну, почву, воду, воздух, климат,	Значительное воздействие на устойчивость пересмотренных региональных стратегий и новых / пересмотренных Планов содействия развитию и дополнительных

⁷ <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32001L0042:EN:NOT>

⁸ <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31997L0011:EN:NOT>

⁹ http://www.opsi.gov.uk/ACTS/acts2004/ukpga_20040005_en_1

¹⁰ Оценка Устойчивости региональных пространственных стратегий и локальных документов развития <http://www.communities.gov.uk/publications/planningandbuilding/sustainabilityappraisal>

	ОВОС	СЭО	ОУ
	материальные ценности, культурное наследие и взаимодействие вышеперечисленных факторов.	ландшафт, материальные ценности, культурное наследие и взаимодействие вышеперечисленных факторов.	документов планирования (а также вопросов, перечисленных в Приложении 1 «Директивы по СЭО»).
Альтернативы	Требуется включить, где это уместно, в заявление о воздействии на окружающую среду (ES) краткое изложение основных альтернатив, изученных разработчиком и указание причин выбора альтернативы, с учетом воздействия на окружающую среду.	Требуется отчет об окружающей среде, чтобы определить, описать и оценить «разумные альтернативы, принимая во внимание цели и географический охват плана или программы» (статья 5 (1)).	Руководство по ОУ заявляет, что ОУ должна учитывать стратегические и предпочтительные варианты (рассмотрение альтернатив также требует «Директивы по СЭО»).
Влияние результата оценки на решение	При определении проектной заявки, компетентный орган должен уделить внимание экологическому отчету, а также другим рассмотренным материалам. Власти могут также потребовать от разработчика предоставить дополнительную информацию, если они считают, что заявление о воздействии на окружающую среду является недостаточным.	Предоставляет информацию, которая будет приниматься во внимание в решении, но не определяет его. После принятия Заявления должны быть произведены определенные изменения в плане или программе, как следствие СЭО, реакция на консультации, а также причины выбора проекта в свете других разумных рассматриваемых альтернатив.	Формирует часть испытаний устойчивости RSS, DPD И SPD (они должны были подвергнуты достаточной ОУ). Любые заявления, ставящие под сомнение удовлетворительность ОУ, должны быть рассмотрены.
Мониторинг	В то время как Директива ОВОС не содержит четких требований к мониторингу, он подразумевается в определении «мер по предотвращению, сокращению и, где это возможно, компенсации любых значительных неблагоприятных воздействий на окружающую среду» (статья 5 (3)). Прогнозируемые эффекты должны быть проверены, а также выполнение обязательств ЕС. Компетентные органы могут также добавить условия мониторинга для достижения согласия.	Директива SEA возлагает на государства-члены обязанность «проводить мониторинг существенных экологических последствий от осуществления планов и программ, чтобы выявить на ранней стадии непредвиденные отрицательные эффекты, а также, чтобы иметь возможность предпринять соответствующие меры». (Статья 10 (1))	Руководство по ОУ заявляет, что предложения по мониторингу должны быть включены в отчет ОУ. Закон требует, чтобы органы регионального планирования производили ежегодные отчеты о результатах мониторинга, чтобы сообщить о ходе осуществления пересмотра региональной пространственной стратегии или новых / пересмотренных Планов содействия развитию.
Руководства	Оценка воздействия на окружающую среду: Руководство по надлежащей практике и процедурам (готовится к выпуску) http://www.communities.gov.uk/documents/planningandbuilding/pdf/151087	Практическое руководство по Директиве по стратегической экологической оценке http://www.communities.gov.uk/publications/planningandbuilding/practicalguidesea Стратегическая экологическая оценка - Изучение из практики http://www.rspb.org.uk/Images/seareport_tcm9-153343.pdf	Оценка устойчивости региональных пространственных стратегий и локальных документов развития http://www.communities.gov.uk/publications/planningandbuilding/sustainabilityappraisal

Источник: [6]

Сближение процедур СЭО и СОУ возможно, поскольку они имеют ряд важных общих свойств:

- являются инструментами, помогающими лицам, принимающим решения, повысить устойчи-

вость принимаемых стратегических решений и снизить риски развития;

- предусматривают процессы общественного участия, вовлекая все заинтересованные стороны в процедуру подготовки планов и программ развития;

• интегрированы в процесс разработки стратегий, в целях оптимизации решений (интерактивны в процессе их подготовки);

• являются процессами, состоящими из нескольких этапов, а не только научными исследованиями или письменными отчетами.

В то же время существуют различия между СЭО и СОУ (табл. 1), которые обусловлены их направленностью, правовым статусом, уровнем их применения.

Следует выделить три группы проблем, возникающих в ситуации комплексного применения группы оценок при рассмотрении одного стратегического документа. Во-первых, процедурно, трудно координировать сроки отдельных оценок и синхронизировать их со сроками решений, принятых в рамках процесса подготовки плана или программы. В результате, вполне вероятно, что вместо того, чтобы стать тесно интегрированными с процессом принятия решений, отдельные оценки (например, инклюзивности и экологические) будут давать различные рекомендации и, следовательно, будут иметь меньшее влияние на принимаемые решения. Во-вторых, в методологическом отношении существует высокая вероятность расхождений между используемыми методами оценки, оставления без внимания взаимозависимостей между определенными типами воздействия и возрастающих трудностей при построении общей системы оценок для использования в процессе принятия решений. В-третьих, с точки зрения организации процесса, неизбежно возникает дополнительная нагрузка по управлению и координации отдельных оценок в рамках планирования проекта и процесса управления.

Исследуя проблемы интеграции подходов СОУ в механизм СЭО следует учитывать, что анализ результатов естественно научных исследований в сфере отношений Общество–Природа во многом субъективен, поскольку любая практическая деятельность, особенно связанная с планированием развития, сосредотачивает свое внимание на осуществлении такого перехода из прошлого в будущее, который рационален с точки зрения людей, принимающих конкретные решения. Возможные альтернативные перспективы будущего обусловлены не только наличием и качеством объективной информации о состоянии территориальных природно-антропогенных систем, но и социокультурно обусловленными представлениями о развитии (институциональный диапазон рассмотрения вариантов и выбора решений). Рассматриваемые альтернативы во многом представляют собой прототипы имеющихся трендов и тенденций, инициированных модернизационными процессами. Выбор целей развития зависит от множества факторов: нравственных, экологических и др., ограничивающих деятельность людей.

Все большее число ограничений сегодня приобретает глобальный характер, поскольку связаны с безопасностью человечества. Именно эти ограничения должны найти свое воплощение в целях и политике развития на всех уровнях территориальной организации.

В. Ориентация на достижение целей устойчивого развития на уровне методологии ставит задачу дополнения рационального позитивистского естественно-научного подхода к исследованию экологических проблем в рамках СЭО элементами целеориентированного нормативного подхода.

Потребность в целеориентированном синтезе подходов СЭО и СОУ в настоящее время возросла в связи с принятием Генеральной ассамблеей ООН в сентябре 2015 г. Целей устойчивого развития (ЦУР) и итогового документа «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Отметим, что решение этой задачи достаточно сложно. Дело в том, что ценностный аспект устойчивости лишь сравнительно недавно начал получать признание со стороны международного сообщества, занятого проблемами развития. Только в октябре 1995 г. Всемирный банк провел первую конференцию, посвященную данной теме, участники которой пришли к выводу, что основной недостаток усилий, предпринимаемых извне и направленных на содействие развитию, состоит в том, что они расходятся с верованиями и идеалами местного населения. Президент банка Джеймс Д. Вульфенсон определил оказание экономической помощи с учетом духовных, этических и моральных аспектов как ключевую проблему, стоящую перед Всемирным банком и сообществом, решающим вопросы развития.

Следует отметить, что целесообразность такого подхода на философском уровне была показана еще Кантом, который в гармонизации отношений между человеком и природой, изучении природы, особенно отмечал важность использования (не отрицая других методов познания) телеологического подхода. В своей работе «Критика способности суждения» философ подчеркивал, что телеология – это не теология, но и не естествознание. При этом, он не абсолютизировал этот метод познания и критически определял границы применения телеологического мышления при метафизическом толковании мира в целом, отмечая, что «...понятие целевых связей и форм природы есть, во всяком случае, еще один принцип, позволяющий подвести ее явления под правила там, где законы механической каузальности недостаточны» [7, С. 233]. Это открытие Канта в настоящее время наиболее актуально для определения подходов к выявлению пределов и возможностей целенаправленного воздействия на социоприродные системы, что

представляет одну из краеугольных проблем теории устойчивого развития.

На экспертном уровне сегодня выделяют четыре категории СЭО:

- «СЭО на основе ОВОС», которая включает в себя оценку исходных условий и, как правило, использует технические методологии;

- «СЭО на основе анализа/оценки социально-экономического развития», в которой воздействие оценивается в противопоставлении заявленным целям;

- «Интеграционная СЭО», в которой воздействие оценивается в противопоставлении результатов исследований и оценки состояния территории с целями программ и планов социально-экономического развития;

- «Специальная СЭО», в которой экологические соображения интегрированы в процесс принятия решений на неформальной основе, а не путем систематической процедуры.

Во всех категориях изначально в основу СЭО положена рационалистическая позитивистская методология на основе интеграции естественных и общественных наук – системный междисциплинарный подход к оценке возможных экологических последствий конкретных проектных и плановых решений. В соответствии с таким подходом в СЭО при анализе альтернативных сценариев развития оценки выполняются на основании фактических измерений («СЭО на основе ОВОС»). В то же время, методические документы по разработке стратегий, программ и планов развития территорий фокусируются на «целеориентированном» подходе, при котором текущий вариант стратегического развития оценивается в противопоставлении ряду желательных приоритетов в интересах устойчивого развития (по аналогии с «СЭО на основе анализа/оценки развития»). Например, в приложении 1 к Директиве ЕС по СЭО приведена основная информация, которая должна быть изложена в экологическом докладе, включая:

- соответствующие аспекты текущего состояния окружающей среды и вероятное изменение этого состояния без осуществления плана или программы;

- экологические характеристики районов, которые могут быть существенно затронуты;

- любые существующие экологические проблемы, которые имеют отношение к плану или программе, включая в частности те, которые касаются каких-либо областей особого экологического значения, например, назначенные в соответствии с директивами 79/409/ЕЕС [«Директива о птицах»] и 92/43/ЕЕС [«Директива о сохранении сред обитания и дикой фауны и флоры»].

Таким образом, хотя Директива ЕС по СЭО отчетливо делает акцент на позитивистском подходе, и безусловно «на основе ОВОС», она признает ис-

пользование целей в процессе СЭО, заявляя, что экологический отчет должен включать в себя «цели охраны окружающей среды, установленные на международном, общественном уровне или на уровне государства-члена, которые имеют отношение к плану или программе, и способы, которыми эти цели и любые экологические соображения были приняты во внимание при его подготовке». Тем самым в неявной форме признается необходимость гибридного подхода, в котором применяются обзор результатов базовых исследований в природоохранной сфере и желательные цели развития («Интеграционная СЭО»). Такая интеграция достаточно сложна, поскольку предполагает поиск новых методов научного изучения современного мира, где многие пространственные процессы всё более определяются субъективной реальностью.

Учитывая акцент СЭО на прогнозирование воздействия по отношению к базовому сценарию, важно обеспечить, чтобы ожидаемый прогресс в достижении целей оценки и определения значимости воздействия, был основан на имеющейся информации о соответствующих исходных данных, где это возможно. Это позволит снизить субъективность, связанную с выявлением воздействий и оценкой значимости исключительно на основании экспертного заключения, тем самым увеличивая акцент, основанный на доказательствах процесса принятия решений.

Однако следует учитывать, что стратегические цели и комплексный характер территориального планирования делают целеориентированный сбор и анализ исходных данных особенно трудным. Поэтому, как правило, ранее собранная без учета цели развития информация оказывается недостаточной, несмотря на ее большие объемы. Следует согласиться с Y. Devuyt [8], полагающим, что актуальность показателей (в увязке с целями и задачами в процессе оценки устойчивости) возрастает с уровнем абстракции планов и программ, потому что становится невозможным провести исследование с целью сбора исходных данных.

Поэтому при изучении проблем формулирования целей и приоритетов в управлении природопользованием с позиций устойчивого, сбалансированного, целенаправленного развития сегодня как никогда важно ориентироваться не только на объясняющее, но и на понимающее знание, которое характеризуется сочетанием двух эпистемологических интуиций: непреходящей значимости феномена природы или культуры и одновременно его уникальности, хрупкости и незаменимости. Понимающее знание предваряется ценностной интуицией и может быть в духе М. Вебера причислено к «рациональности по ценности». Как отмечает А.С. Панарин, «Рациональность по ценности» в отличие от рациональности прагматического, модернизационного типа, не стыдится

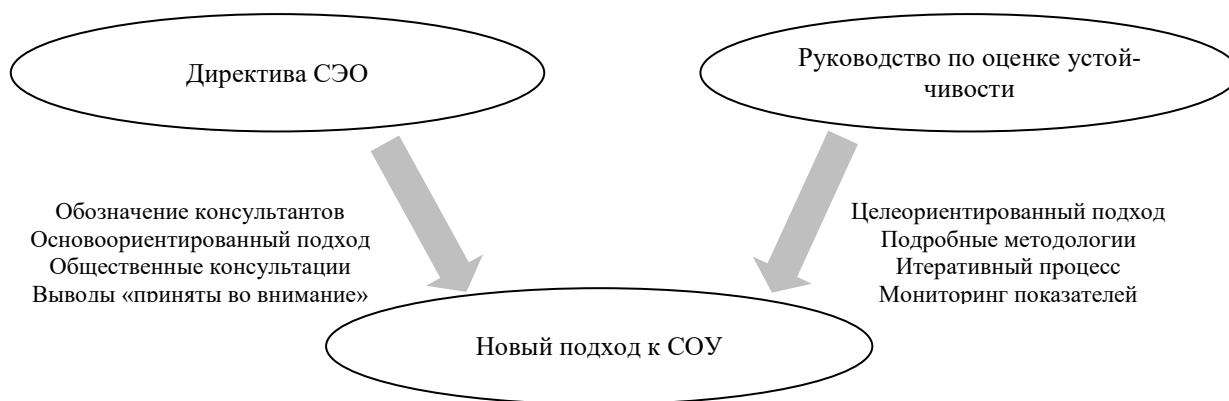

Рис. 2. Новый подход к стратегической оценке устойчивости

Источник: адаптировано из [18].

обвинений в архаичности и прямо ориентируется на «освещение» «черного ящика» инструментальной науки, равнодушной ко всему, что не относится к области технологизируемого [9, С. 265].

На рубеже третьего тысячелетия можно вспомнить, что еще в буддийской традиции отрицалась возможность знания без сострадания. В соответствии с такой позицией (в современных понятиях) наука не имеет никакой ценности, если она не сопровождается заботой об обществе. Гильберт Уайт, один из крупнейших географов 20 века, сформулировал свою позицию абсолютно четко: «... я ясно чувствую, что не должен начинать исследование, если оно не обещает результатов, которые позволят продвинуться к целям, волнующим людей, и пока я не буду готов предпринять все практические шаги для превращения результата в действие» [10, С. 385].

Исследование проблемы целеполагания требует междисциплинарного подхода и должно дополнять естественно-научные исследования, выполняемые в рамках СЭО. При выборе методологической основы исследований проблемы формирования целей и приоритетов природопользования, свойственных феноменам каждого Места, конкретных людей и человеческих общностей следует ориентироваться на работы герменевтов - культурологов Ю. Хабермаса [11], Х.-Г. Гадамера [12] и М. Хайдеггера [13]; с критических позиций следует переосмыслить также понятие «Dasein» (здесь-бытие) М.Хайдеггера [14].

Такие исследования мира, отраженного в сознании людей, неизбежно должны предполагать (в чем нельзя не согласиться с А.Е. Левинтовым) интерактивное познание мира и самопознание; проектно-нормативную направленность исследований, отказ от отстраненно-объективистского взгляда на вещи (особенно при постановке задач исследований – Авт.), оглашение собственной духовной позиции и причастности. Новая парадигма требует применения новых методов и средств, прежде всего, герменевтических и гомилетических. К последним относятся

средства социального и организационного проектирования: имитационные, деловые, ролевые, ситуационные, организационно-деятельностные игры [15]. Как показали наши исследования¹¹, при генерализации полученных результатов в контексте конкретных территорий целесообразно использовать географические методы исследований. Наиболее важна разработка матриц конфликтов целей и «телеологических» карт, отражающих представления о целях развития, свойственных населению той или иной конкретной территории, а в дальнейшем – создание на их основе соответствующих карт конфликтов целей [16].

Следует также отметить, что интеграция требований существующего процесса СОУ с положениями СЭО потребует расширения и самой оценки устойчивости, которая должна будет в большей степени использовать базовую информацию и быть более прозрачной и открытой для внешнего контроля (рисунок 2). Можно предположить, что это потребует создания региональных информационных центров (для сбора и анализа данных), увеличения предложения исходных данных в будущем (например, для расширения экологических региональных докладов), которые могут быть использованы для обеспечения информацией региональных и локальных стратегий и связанных с ними оценок устойчивости.

С. Внимание к социально-экономическим последствиям в рамках СЭО зависит от того, насколько развитие страны или региона ориентировано на достижение сильной или слабой устойчивости. Широкое распространение СЭО связано с утверждением, что здоровая окружающая среда является необходимым условием для экономического роста и социальной интеграции в долгосрочной пер-

¹¹ Исследование проблемы целеполагания в аспекте устойчивого развития в Ярославской области [16, 17] выявили практически полное согласие основных распорядителей ресурсов в пользу целеориентированного подхода при оценке среди тех, кто заинтересован в региональном и локальном планировании.

спективе и что, благодаря рассмотрению экологических последствий, СЭО способствует более устойчивому развитию и более тесной интеграции вопросов окружающей среды в процесс принятия стратегических решений.

Следует согласиться со S.P. Smith и R.Sh. William [18], что степень, в которой эти рассуждения верны, зависит от того, «сильная» или «слабая» концепция устойчивого развития была принята во внимание. В то время как сильные интерпретации этой идеи подчеркивают, что нынешние уровни природного капитала должны поддерживаться и укрепляться, слабые определения позволяют пожертвовать природным капиталом в обмен на соразмерный рост экономического и социального капиталов. Слабая концепция устойчивости, тем не менее, утверждает, что можно улучшить и материальное благополучие, и качество окружающей среды с помощью соответствующих стратегий развития и технологических достижений [19].

Если ориентироваться на сильную устойчивость (где любое посягательство на природный капитал приводит к неустойчивому развитию) то, на первый взгляд, СЭО нацелена на сохранение природы вне оценки экономических и социальных последствий. Это, безусловно, справедливо, особенно с позиций обеспечения глобальной экологической безопасности, если признать, что мир перешел рубеж допустимого экологического воздействия и срочно нужны глобальные решения. Особая сложность ситуации в том, что эти действия следует предпринимать и тратить большие средства и ресурсы, с опережением, без видимых сегодня последствий для лиц, принимающих решения, только опираясь на мнение науки. Тем самым существенно повышается уровень ответственности экспертов.

Подходы сильной устойчивости, кажущиеся более предпочтительными с позиций именно экологической безопасности, могут быть подвергнуты критике с позиций неинституционального анализа (Д. Норт, и др.). Дело в том, что в развитие такого методологического подхода часто предлагаются такие радикальные механизмы, которые на практике влекут за собой увеличение неравенства и нищеты во многих странах и регионах, что увеличивает нагрузку на биоразнообразие и стимулирует деструктивное поведение. Более того, как показали исследования Г. Уайта [10], Г.А. и М.А. Фоменко [17] и др. относительно сельского водопользования, ориентация на завышенные требования к качеству питьевой воды может существенно ограничивать дешевые, но эффективные мероприятия; а нищета всегда связана с ростом браконьерства и уничтожением редких видов животных и растений.

Во время начавшегося в мире технологического перехода для природоохранной сферы особенно опасна социальная аномия (от французского *anomie* – беззаконие, неорганизованность), ценностно-нормативный вакуум, характерный для переходных и кризисных периодов развития общества, когда старые нормы и ценности уже не работают, а новые отсутствуют или еще не полностью сложились. В таких условиях может существенно снижаться мотивация индивидуумов к решению общественно значимых экологических проблем. Так, в значительной степени именно с этим связано массовое расхищение природных ресурсов общего пользования в условиях аномии 1990-х гг. в России.

По нашему мнению, выполнение СЭО в отрыве от социально-экономических последствий может быть рациональным для изучения основополагающих и незаменимых свойств природы. Задача состоит в том, чтобы идентифицировать пороги или экологические пределы социально-экономического развития. Цель СЭО в рамках сильной устойчивости заключается в создании информационной основы относительно того, насколько цели и приоритеты социально-экономического развития в проектах и программах далеки от экологических целей и ограничений. Подобный анализ полезен для выявления критических, предельных значений экологической нагрузки, определения экологического следа. Такой вариант СЭО особенно полезен для экологически неблагоприятных территорий.

Ориентация на слабую устойчивость обосновывает развитие СЭО в направлении учета социальных и экономических факторов, оптимизации применения регулирующих природоохранных инструментов с учетом экономических и социальных последствий. Это требует определенной формы комплексной оценки с тем, чтобы факторы окружающей среды были соотнесены с экономическими и социальными последствиями.

Всемирным банком еще в 1990-х гг. была проведена проверка на слабую устойчивость основных стран мира [20, 21] и сделан вывод о том, что экономика должна сберегать, по крайней мере, объем капитала, равный стоимости амортизации техногенного и природного капитала (соответственно S , D_m , D_n). Величины соответствуют доле (в процентах) ВВП (Y). Таким образом, если Z – индекс устойчивости, S – валовые внутренние сбережения, Y – ВВП, D_m – величина амортизации созданного человеком капитала, D_n – величина амортизации природного капитала, то

$$Z = S/Y - D_m/Y - D_n$$

Так, концепция устойчивого развития, изложенная в стратегии Великобритании в области устойчивого развития «Лучшее качество жизни» [22]¹², ориентируется на достижение слабой устойчивости и определяет одновременное достижение четырех целей в рамках устойчивого развития: (1) социальный прогресс, который учитывает потребности всех; (2) эффективная защита окружающей среды; (3) рациональное использование природных ресурсов; (4) поддержание высоких и стабильных темпов экономического роста и трудовой занятости населения.

В числе стратегических национальных приоритетов Стратегией национальной безопасности Российской Федерации (2015) определены повышение качества жизни российских граждан; экономический рост; наука, технологии и образование; экология живых систем и рациональное природопользование, реализация которых предполагает системный подход (п. 31). Современные подходы к государственному регулированию в сфере рационального природопользования и охраны окружающей среды должны реализовывать указанные высокие требования и учитывать основные мировые тренды, тенденции экономического роста и особенности перехода к устойчивому развитию стран и регионов. Очевидно, что речь идет об ориентации на обеспечение именно «слабой» устойчивости.

Ориентацию на «слабую» устойчивость теоретически следует рассматривать как более гибкий инструмент принятия решений. Однако необходима осторожность, чтобы обеспечить *достаточный* приоритет для рассмотрения экологических вопросов. При этом оценка устойчивости остается базовым действующим подходом, поскольку это требует одновременной оценки экологических, социальных и экономических последствий принимаемых решений [23]. Необходимость учитывать воздействие одновременно различных аспектов устойчивости была подчеркнута впервые еще Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию (WCED). В докладе 1987 г. говорится: «Необходимость выбора путей, которые являются устойчивыми, требует, чтобы экологические аспекты политики рассматривались одновременно с экономическими, торговыми, энергетическими, сельскохозяйственными, промышленными и другими аспектами в одинаковых программах действий и в одних и тех же национальных и международных учреждениях» [24, С. 313].

Оценку в области устойчивого развития можно рассматривать как в целом более рациональный, прагматичный инструмент для принятия решений, чем СЭО. Однако важно, чтобы экологические во-

просы получили соответствующий вес в оценке устойчивости и не были скрыты экономическими и социальными аспектами.

Д. Широкое применение СЭО предполагает существенные институциональные изменения, связанные с обладанием пучками полномочий в сфере госрегулирования природопользования. Так, если при разработке ОВОС функции государственного регулирования бизнеса проработаны достаточно конкретно и предполагают доминирующую роль государства при участии общественности, то в случае СЭО ситуация кардинально иная: экспертное мнение должно воздействовать на решения не только исполнительной, но и законодательной власти.

Это совершенно новая ситуация, которая требует взвешенного подхода. Особенно важно определить роль института экологических экспертов, их полномочия и порядок назначения, поскольку они, по сути, начинают говорить от имени будущих поколений относительно стратегических программ и планов развития. Этот вопрос обсуждается крайне мало, но от этого он не становится менее актуальным, поскольку поиск ответа, кто именно и каким образом возьмет под защиту права будущих поколений, а также является ли экологическое знание уделом избранных, или оно доступно большинству людей – остается краеугольным элементом современного природоохранного управления.

Это не риторика. Например, если признать избрannость экологических знаний, то неизбежным последствием станет возникновение элитарной группы, которая знает, в чем заключается счастье других людей. Присущие членам этой группы мировоззренческие установки будут реализовываться через соответствующие институты, которые не могут быть поняты большинством, а значит, не смогут быть сформированы с использованием демократических процедур. В такой ситуации возникнет необходимость решать, каким образом реализовать знание избранных через процедуру СЭО, как предотвратить неправильные (по мнению членов такой группы) решения выборных органов власти. Не приведет ли таким образом признание избрannости экологических знаний к диктатуре политической и к подавлению большинства меньшинством, к навязыванию определенного сценария будущего?

Следует согласиться с Д. Винером [25], что ни один чиновник или технический эксперт не вправе единолично определять, в чем состоит наибольшее благо. Составление государственного реестра экспертов (опыт Чехии) только смягчает проблему, поскольку решать, какому из различных взглядов на использование природы (а значит и власти над людьми) следует отдать предпочтение нужно политически, а не ссылаясь на привилегированные знания. Это, в первую очередь, требует поддержки со-

¹² Данный документ послужил основой региональных концепций устойчивого развития и оценки устойчивости Руководства регионального планирования и Региональных экономических стратегий.

обществ (особенно территориальных), нацеленных на коллективное решение природоохранных проблем, передачи им экологических знаний.

Принимая во внимание экономический аспект экологического кризиса, следует помнить, что нравственные размышления о природоохранных обязанностях мало что дадут, если не удастся изменить экономические условия так, чтобы нравственное поведение оказалось выгодным также и со своей точки зрения. Как отметил В. Хесле [26], следует позаботиться о том, чтобы доброе не выглядело более глупым. Для этого важно повысить эффективность существующего механизма СЭО, сближая общественный и частный интерес.

Современная философская мысль выявила ряд основных проблем, которые необходимо решить для придания современному правовому государству экологической направленности.

Изменение ряда основных правовых категорий. Так, уже сегодня подвергается ревизии классическое разделение в праве лица и вещи. Правовые системы ряда европейских стран начинают рассматривать животное в качестве самостоятельной юридической категории (между лицом и вещью), поскольку ощущающее животное и, конечно, экосистема, обладают онтологическим достоинством, которое должны защищать мораль и право.

Изменение понятия собственности. Наиболее распространенное ныне понятие собственности трактуется как полная собственность (Кодекс Наполеона). Однако постепенно происходит возврат к взглядам Фихте, который исходил из категории пользования (что особенно проявляется в теории прав собственности) и допускал совместимость многих частичных прав собственности на один и тот же объект (например, участок леса). Согласно этой трактовке, собственник возобновимых ресурсов, важных для жизни, уже не располагает правом их уничтожить, а может только пользоваться (получая часть природной ренты), поскольку условия возможности выживания человечества не вправе уничтожить ни индивид, ни коллектив.

Изменение стратегии социализации человека и его воспитания в духе толерантности, уважения к чужим мнениям, к достижениям различных культур. Возрастает роль консенсуса, поиска согласия при решении конфликтов, в том числе и в сфере использования природных ресурсов. Поэтому важнейшей составной частью концептуальных представлений должна стать новая процедура их реализации, основанная на поиске согласия и достижении консенсуса всех заинтересованных групп и социокультурных сообществ. На

этой основе выявляются и соответствующие методы организации сообществ, их взаимодействия и координации.

Изменение понятия ответственности. Актуализируется положение «кто обладает большей властью, тот должен нести и большую ответственность». Следует одобрить идею философии права относительно экологической угрозы: кто приобретает опасные машины, тот должен признать, что последствия могут быть крайне нежелательны. Таким образом, он несет гражданско-правовую ответственность за эти машины даже в том случае, когда не удастся доказать ни преступного намерения, ни небрежности. Сам факт покупки экологически опасных машин повышает ответственность.

Уточнение классического принципа демократии: люди должны сами принимать то решение, которое затрагивает их интересы, ибо только таким образом можно избежать в течение длительного времени неправомерного ущемления человеческих интересов. В эпоху экологического кризиса такое решение недостаточно в силу отсутствия механизмов, гарантирующих учет интересов лиц, которых данное решение так или иначе затрагивает. Еще не родившиеся будущие поколения не могут заявить о своих интересах, а тем более отстаивать их. Поэтому современное общество в своих отношениях с природой нуждается в государственно-правовых аналогах опекуна, принятого в области частного права.

* * *

Таким образом, существуют достаточные основания расширения процедуры СЭО в контексте ориентации на Цели устойчивого развития и интеграции с социальными и экономическими вопросами. Если существующая практика СЭО будет развиваться в направлении учета различных факторов устойчивости, задача будет заключаться в обеспечении того, чтобы в конечном счете экономические, социальные и экологические проблемы решались с одинаковой строгостью, чтобы оценка устойчивости осталась нейтральной по отношению к затронутым интересам. Экологический протекционизм в оценке стратегических и плановых документов целесообразно сделать для территорий с особо неблагоприятной экологической ситуацией. Продвижение в данном направлении безусловно послужит укреплению существующего процесса СЭО в результате большего акцента на предоставление исходной информации и обеспечения консультаций с экспертными организациями и общественностью.

Библиографический список

1. Sheate W.R. The rise of strategic assessment tools // *Journal of environmental assessment policy and management*. – 2003. – Т. 3, №3.
2. Fuller K. Summarising Paper of the Workshop Nr. 9 - Sustainability Impact Assessment at the International Association for Impact Assessment Annual Conference 15-22 June 2002, The Hague. – 2002.
3. Arbter K. Sustainable Policies and Legislation International Survey and Development of a Procedure for Austria, commissioned by the Austrian Federal Ministry for Agriculture and Forestry, Environment and Water Management. – Vienna, 2005.
4. DETR/ Planning Policy Guidance Note 11: Regional Planning. – The Stationary Office Ltd, London, 2000.
5. Фоменко М.А. Местные программы действий в сфере природопользования для устойчивого развития. – Ярославль: НПП «Кадастр», 2001. – 160 с.
7. Arbter K. Sustainability Impact Assessment and Strategic Environmental Assessment // *Conducting Sustainability Assessments*. – OECD, 2008.
7. Кант И. Критика способности суждения. Пер. с нем. – М.: Искусство, 1994. – 367 с.
8. Devuyst Y. Toward a Multilateral Competition Policy Regime? // *Global Governance*. – 2000. – 6:3. – P. 319-338.
9. Панарин А.С. Политология. – М.: «Проспект», 1997. – 408 с.
10. Уайт Г. География, ресурсы и окружающая среда: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 544 с.
11. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // *Вопросы философии*. – 1989. – №2. – С. 35-40
12. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – 700 с.
13. Хайдеггер М. О сущности истины // *Философские науки*. – 1989. – №4. – С. 91-104.
14. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Пер. с нем. / Составл., переводы, вступ. статья, примеч. А.В. Михайлова. – М.: Издательство «Гнозис», 1993. – 464 с.
15. Левинтов А.Е. От района к региону: на пути к хозяйственной географии // *Изв. РАН. Сер. геогр.* – 1994. – №6. – С. 120-129.
16. Фоменко Г.А. Управление природоохранной деятельностью: Основы социокультурной методологии. – М.: Наука, 2004. – 390 с.
17. Фоменко Г.А., Фоменко М.А. Экономический транзит и охрана природы: социокультурные аспекты. – Ярославль: Научно-исследовательский проектный институт «Кадастр», 2016. – 313 с.
18. Smith S.P., William R. Sh. Sustainability appraisal of English regional plans: incorporating the requirements of the EU Strategic Environmental Assessment Directive // *Impact Assessment and Project Appraisal*. – 2001. – P. 263-276.
19. Roberts P., Llanwarne A., Jackson T. Delivering sustainable development – a framework for setting targets and monitoring outcomes // *Town and Country Planning*. – 2001. – №70(4). – P. 116-119.
20. Atkinson G., Pearce D. Measuring Sustainable Development // *The Globe*. – 1993. – 13. – P. 3;
21. Pearce D., Atkinson G. Are National Economies Sustainable? // *CSERGE Working Paper GEC 92-11*. – 1992.
22. DETR. A Better Quality of Life, A Strategy for Sustainable Development for the UK. – The Stationary Office Ltd, London, 1999.
23. DTI. Towards more Sustainable Decisions, a report by the Foresight Environmental Appraisal Task Force. – The Stationary Office Ltd, London, 2001.
24. WCED. Our Common Future. – Oxford University Press, Oxford, 1987.
25. Винер Д.Р. Экологическая социология без мифов // *Вопросы философии*. – 1995. – №5. – С. 82-97.
26. Хесле В. Философия и экология. – М.: Наука, 1993. – 205 с.

METHODOLOGICAL PROBLEMS AND SPECIFIC FEATURES OF STRATEGIC ENVIRONMENTAL ASSESSMENT OF TERRITORY DEVELOPMENT PLANS AND PROGRAMS OF REGIONAL AND LOCAL LEVELS

G.A. Fomenko, Ph.D. (Geography), Dr. Habil., Professor, Chairman of the Board Research and designing institute “Cadaster”, info@nipik.ru

References

1. Sheate W.R. The rise of strategic assessment tools // Journal of environmental assessment policy and management. 2003. T. 3, №3.
2. Fuller K. Summarising Paper of the Workshop Nr. 9 - Sustainability Impact Assessment at the International Association for Impact Assessment Annual Conference 15-22 June 2002, The Hague. 2002.
3. Arbter K. Sustainable Policies and Legislation International Survey and Development of a Procedure for Austria, commissioned by the Austrian Federal Ministry for Agriculture and Forestry, Environment and Water Management. Vienna, 2005.
4. DETR/ Planning Policy Guidance Note 11: Regional Planning. The Stationary Office Ltd, London, 2000.
5. Fomenko M.A. Local programs in the field of environmental management actions for sustainable development. Yaroslavl: NPP «Cadastre», 2001. 160 p.
6. Arbter K. Sustainability Impact Assessment and Strategic Environmental Assessment // Conducting Sustainability Assessments. OECD, 2008.
7. Kant I. Critique of Judgment. Translated from German – Moscow: Iskusstvo, 1994. 367 p.
8. Devuyst Y. Toward a Multilateral Competition Policy Regime? // Global Governance. 2000. 6:3. P. 319-338.
9. Panarin A. S. Political Science. Moscow: “Prospekt”, 1997. 408 p.
10. White G. Geography, Resources and Environment: translated from English. Moscow: Progress, 1990. 544 p.
11. Habermas J. The Concept of Individuality// Problems of philosophy. 1989. № 2. P. 35-40.
12. Gadamer H.-G. Truth and Method. Moscow: Progress, 1988 700 p.
13. Heidegger M. On the Essence of Truth // Philosophical Sciences. 1989. №4. P. 91-104.
14. Heidegger M. Works and Thoughts of Different Years. Translated from German. / Compilation, translation, introductory article and comments by Mikhailova A. V. Moscow: "Gnosis" Publishing House, 1993. 464 p.
15. Levintov A. E. From District to Region: on the Way to Economic Geography // Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Geographical Series. 1994. №6. P. 120-129.
16. Fomenko G.A. Environmental Management: A Socio-cultural Methodology. Moscow: Nauka, 2004. 390 p.
17. Fomenko G.A., Fomenko M.A. Economic Transition and Environmental Protection: Socio-cultural Aspects. Yaroslavl: The Cadaster Research and Designing Institute, 2016. 313 p.
18. Smith S.P., William R. Sh. Sustainability appraisal of English regional plans: incorporating the requirements of the EU Strategic Environmental Assessment Directive // Impact Assessment and Project Appraisal. 2001. P. 263-276.
19. Roberts P., Llanwarne A., Jackson T. Delivering sustainable development – a framework for setting targets and monitoring outcomes // Town and Country Planning. 2001. №70(4). P. 116-119.
20. Atkinson G., Pearce D. Measuring Sustainable Development // The Globe. 1993. 13. P. 3;
21. Pearce D., Atkinson G. Are National Economies Sustainable? // CSERGE Working Paper GEC 92-11. 1992.
22. DETR. A Better Quality of Life, A Strategy for Sustainable Development for the UK. The Stationary Office Ltd, London, 1999.
23. DTI. Towards more Sustainable Decisions, a report by the Foresight Environmental Appraisal Task Force. The Stationary Office Ltd, London, 2001.
24. WCED. Our Common Future. Oxford University Press, Oxford, 1987.
25. Viner D. R. Environmental sociology without myths // Problems of philosophy. 1995. №5. P. 82-97.
26. Hösle V. Philosophy and Environment. Moscow: Nauka, 1993. 205 p.